

УДК 141.2 + 130.3 + 101.9 + 1(091)

Т. Ю. Быстрова

ТРАКТОВКА РАЗУМА В «КНИГЕ ПЕРЕМЕН»

Исследуется трактовка разума в авторитетном памятнике философской мысли Древнего Китая «Книге Перемен». Автор доказывает философскую природу этого текста, связанную не только с его содержанием, но и с характером взаимодействия с читающим. Определяются элементы текста «Книги Перемен», позволяющие реконструировать понимание разума, во многом актуальное для современной культурной ситуации.

Ключевые слова: «Книга Перемен», китайская философия, мировоззрение Древнего Китая, разум, возможности разума, Ю. К. Шущкий.

Учитель [Конфуций] сказал: «Продлись мои лета, [я бы] пятьдесят [из них] отдал бы изучению “Перемен” и смог бы избежать больших отклонений».

«Лунь юй», глава 7, чжан 16 (пер. А. И. Кобзева)

«Книга Перемен» («И Цзин», «Чжоу И») – великий памятник культуры, содержащий в себе систему ценностей культуры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С течением времени положения книги не утрачивают глубины и мудрости, получают все новые научные и практические подтверждения. Немецкий психолог и философ Карл Густав Юнг (1875–1961) писал об этом «великом и уникальном» произведении: «Подобно части природы, оно ждет, пока будет открыто. Оно не предлагает ни фактов, ни власти, но для любителей самопознания, мудрости – если таковые найдутся – может представиться правильной книгой» [17].

Крупнейший знаток философии и культуры Дальнего Востока академик В. М. Алексеев (1881–1951) считал постижение «И Цзин» основной синологической проблемой, «главным камнем преткновения всех китаистов всех времен и наций, начиная с китайцев и заканчивая американцами. Эта оккультная по форме и философская по содержанию книга привлекала и привлекает самые трезвые умы своей неразгаданной системой» [1, 73].

Датируемая серединой I тыс. до н. э., «И Цзин» уже в эпоху Хань была не только отредактирована, включена в перечень канонических китайских книг («конфуцианский канон»), но и, по признанию специалистов-синологов, заняла в нем безусловное первое место, оказав влияние на развитие науки и многие стороны повседневной жизни.

Можно сказать, что «Книга Перемен» – это протофилософское произведение, в котором происходит переход от мифологии к философскому мышлению. Для ее первых комментаторов гексаграммы «постепенно перестали быть только

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: taby27@yandex.ru).

© Быстрова Т. Ю., 2013

принадлежностями предсказаний и начали выполнять функции 64 категорий мира в движении к универсальному единству» [11]. В неотъемлемой части «Книги Перемен» — комментариях дается понятийное толкование природы и человека, особый акцент делается на *динамических* сторонах их взаимодействия.

Еще одной значимой характеристикой можно считать отсутствие готовых рассуждений и ответов, обеспечивающее открытость текста его интерпретаторам. Если философия как истина рождается в *диалоге*, в споре, то исследуемый нами памятник как нельзя лучше способен вовлечь читателя в интерактивное взаимодействие.

Многие русскоязычные источники делают акцент на мантической направленности текста. Мы настаиваем на доминанте философского содержания в «Книге Перемен» по целому ряду причин:

1. В отличие от сугубо религиозно-мифологических и мантических текстов «Книга Перемен» предполагает нелинейность будущего каждой из рассматриваемых (фиксируемых гексаграммами) ситуаций. Будущее зависит от мыслительных действий читающего, точности понимания им текущего момента. Это обуславливает повышенную *активность разума*, занятого не столько интерпретацией, сколько анализом и конструированием событий.

В гадательных текстах и практиках, равно как и в мифе, предполагается однозначность предсказанного или постулируемого будущего, сводящая на нет любые мыслительные усилия человека. В мифе это будущее вообще не имеет ценности, поскольку мифологический хронотоп строится как модель круговорота и повторяемости времени [15].

2. Именно для философского способа рассмотрения мира и человека важно осмысление «*здесь и сейчас*», фиксация и анализ наличного состояния, уход от «темноты проживаемого мгновения» (Э. Блох). Практика работы с «Книгой Перемен» — бросание монет, переключивание стеблей трилистника, создание гексаграммы и размышление над ней — по сути, позволяет сконцентрироваться на настоящем, увидеть его более полно за счет включения определенных смысловых полей, деликатно «подсказываемых» трехстишиями [16, 235].

3. Гадательная практика не обязательно связывает между собой состояние мира и самостоятельные (неритуализованные) действия человека, тогда как в гексаграммах «Книги Перемен» эта связь фиксируется буквально. Так, согласно одной из версий расшифровки, средние черты говорят о состоянии человека, нижние — Земли, верхние — Неба [13].

4. Тема *гармонии* начал Инь и Ян также может быть отнесена к философским. Гармония представляет собой результат осмысленных действий человека. В рамках нашего исследования это означает, что от разума требуются та же нелинейность, тот же динамизм, которые постулируются текстом «Книги Перемен» в окружающем мире [см.: 2, 3].

Поэтому можно утверждать, что *философский характер «Книги Перемен» определяется не только содержанием текста, но и его построением, всем процессом взаимодействия читающего с текстом.*

Соответственно, исследователя может интересовать не только вопрос «что говорится о разуме?», но и «как говорится?». По тому, что предлагается сделать

человеку, решившему обратиться к «И Цзин», можно понять, каковы возможности и способности этого человека. Вопрос о разуме применительно к тексту «Книги Перемен» — это в большей степени вопрос *методологии*, а не метафизики. Определяя этот ракурс, мы осознанно уходим от более частного вопроса о том, что и как делает разум.

Одним из наиболее заинтересованных интерпретаторов «Книги Перемен» был Ю. К. Шуцкий, перевод которого, по сути, является единственным для русскоязычных читателей. И мы рассматриваем «И Цзин» сквозь призму именно этого перевода, ставшего своеобразным мостиком между культурами Востока и Запада.

Юлиан Константинович Шуцкий родился в 1897 г. в Екатеринбурге. Учился он в Санкт-Петербурге, сначала в Политехническом институте, позже в Практической восточной академии. С 1924 г. он преподавал в Ленинградском историко-филолософско-лингвистическом институте и Ленинградском институте живых восточных языков, читал курсы по истории китайской философии, китайскому и японскому языкам. Он первым в России стал читать курсы южнокитайского (гуанчжоуского) диалекта и вьетнамского языка. В 1937 г. Ю. К. Шуцкий блестяще защитил докторскую диссертацию по законченной за два года до этого монографии «Китайская классическая “Книга Перемен”». 3 августа 1937 г. он был арестован и осужден, позже, в феврале 1938 г., расстрелян [14].

Монография Ю. К. Шуцкого о «Книге Перемен» была опубликована в 1960 г. и сразу стала классикой российского востоковедения.

Для своих комментариев к «Книге Перемен» Ю. К. Шуцкий использовал более 100 источников на китайском и других восточных языках. Несмотря на хорошее знание философии Древнего Китая, он выбрал основным аспектом исследования «Книги Перемен» филологический и, более творческий, «интерпретирующий» (В. М. Алексеев, Ю. К. Шуцкий). Как отмечает Н. И. Конрад, Ю. К. Шуцкий «хотел раскрыть содержание “И Цзина” не своими словами, а образами и идеями, данными в “словах” (цы)... раскрыть при этом в той последовательности и связи, на которые указывает графика каждой из гексаграмм и порядок их в общей цепи» [13, 84]. Это стало возможным благодаря выработке собственной концепции «Книги Перемен», возникшей как результат обобщения различных предшествующих интерпретаций, включая японские. Эта методологическая аутентичность работы с исходным текстом дает следующим поколениям читателей русскоязычного перевода возможность, отталкиваясь от комментариев Ю. К. Шуцкого, самостоятельно интерпретировать понимание отдельных феноменов, упоминаемых в тексте, — например, разума.

Как уже сказано, «Книга Перемен» как философский текст обладает рядом особенностей, из которых и выводится *представление о разуме*¹.

1. **Наличие образной составляющей** во всех слоях текста. Текст, представленный гексаграммами и трехстишиями, содержит образы, в расшифровке которых участвует не только разум, но и *воображение* человека. «Стихия “Книги

¹ Подобный путь предлагает А. Крушинский: «...выявление рационального измерения “Чжоу И” одновременно прольет свет и на специфику китайской рациональности» [8].

Перемен” — стихия образности», — отмечает Ю. К. Шуцкий [6]. В отличие от европейской (платоновской) традиции, до XX в. уверенно выведившей разум на первое место в иерархии познавательных способностей человека, в «Книге Перемен» разум не абсолютизируется. Наличие образов предполагает, что он действует и полноценно реализует себя *в гармонии с другими формами познания*.

Образы можно эмоционально переживать и даже зрительно представлять, хотя Ю. К. Шуцкий подчеркивает их иную природу. «Образы же “Книги Перемен” понимаются правильно тогда, когда они ведут не к эмоциональному переживанию, а к познанию идей, в них облеченных, к осознанию основной идеи изменчивости (движения, сказали бы мы теперь). Нет возможности свести эти образы к простым представлениям, ибо они насыщены гораздо большим и многогранным содержанием, чем представления, абстрагированные от наблюдения» [13, 125]. Можно сказать, что это не художественные образы. Их природа близка к эйдетической: образы «Книги Перемен» — своеобразные модели, причем не объектов, а процессов и состояний, например, «Воссоединение» (гекс. 46), «Разрушение» (гекс. 23) и др.

Эта особенность передачи знания и самого хода размышления формируется в том числе благодаря иероглифической письменности. Иероглифы, возникшие из пиктограмм, запечатлевают образы вещей и процессов, лишая текст абстрактности, свойственной европейским философским построениям. Приобретая понятийный статус, иероглиф продолжал оставаться связанным с предметно-образным значением. Для читателя «Книги Перемен» это означает, что в восприятии участвуют все мыслительные способности. То, что не может быть сразу схвачено в понятиях, домысливается, достраивается за счет представления образа, иногда по аналогии с повседневной жизнью (образ «опрокинутого треножника», «невесты», «лебедя» и т. п. в соответствующих гексаграммах).

О чем-то подобном, но еще более глубоко писал К. Г. Юнг в предисловии к «Книге Перемен»: «...когда “И Цзин” не находит понимания у сознания, навстречу ему выходит бессознательное, ибо он в соответствии со своей природой связан с ним даже более тесно, нежели с рационализмом сознания» [16, 245].

Вдобавок большинство образов представлено очень лаконично. Это активизирует разум. «Книга Перемен» предполагает активность читателя в процессе размышления над вопросами бытия в целом и жизни человека в частности. Эта черта затрудняет мантические практики: приемы гадательной расшифровки гексаграмм существенно разнятся. Но для философских рассуждений множественность версий необходима и продуктивна.

Она усиливается за счет возникающего символизма мышления. В ходе интерпретации конкретной жизненной ситуации у читающего за одним образом могут вставать совершенно различные явления или объекты.

Символы выполняют двойную функцию. Они стимулируют воображение. И они же ограничивают направление поиска жизненных аналогий, лишают размышление произвольности, поскольку отдельный образ всегда является частью некоего целого. Поэтому можно говорить не столько о «символах», сколько о «коррелятах», соотношении с которыми облегчает индивидуальное размышление читателя «И Цзин».

2. **Модель человека**, имплицитно присутствующая в тексте «Книги Перемен», включает в себя представление об его мыслительной активности и рациональности. Человек находится в центре мироздания, в том числе и для того, чтобы понять его закономерности, учесть их в своих действиях, соотнести себя с ними. Гармония внешнего и внутреннего обеспечивается мыслительными усилиями, активизировать которые помогает текст «Книги Перемен».

Отметим, что разум трактуется как активная сила и в западноевропейской философии Нового времени, начиная с И. Канта (1724–1804). Человеку, наделенному разумом, присуще целеполагание. Отличие трактовок состоит именно в понимании цели. Для западноевропейских философов Нового времени цель, к которой устремлены усилия разума, — познавательная, гносеологическая. Она достаточно схематична, поскольку анализ предполагает абстрагирование от второстепенных, несущественных черт.

Для человека «Книги Перемен» цель гораздо более онтологизирована. От ее понимания зависит жизненная траектория, поступки, связи с другими людьми и т. п. Соответственно, для этого понимания необходимо вчувствоваться и вдуматься в ситуацию во все ее полноте, не уходя от частных деталей. 64 гексаграммы расположены в определенном порядке, обозначая конкретную динамическую ситуацию, осмысление которой происходит поэтапно, а границы определяются размышляющим. Более того, каждая гексаграмма вытекает из предыдущей. То есть то, что является целью в одной ситуации, перестает ею быть в другой. Для того чтобы перестроиться, разуму необходимо быть гибким и подвижным.

Японский комментатор XVIII в. Ито Тогай, оказавший заметное влияние на Ю. К. Шуцкого, говорит следующее: «Работая во благо, действовать по мере сил, но не различать возможности и невозможности данной временной ситуации; а желая осуществить [благое] вопреки создавшимся условиям, не только нельзя подчиняться им, но даже надо разрушить эти условия» [13, 151]. «Мера сил», о которой упоминает Ито Тогай, определяется оценкой всей ситуации, включая общекосмические процессы, а не стремлением к внутреннему комфорту или подобным вещам.

В качестве специфического момента для русскоязычного читателя «Книги Перемен» можно назвать отсутствие цели как константы (стать тем-то, стать таким-то, добиться того-то). Тактика жизненных решений здесь как бы доминирует над стратегией. Точнее, стратегией является достижение гармонии с изменчивым миром — как процесс, а не как статичная точка с предустановленным результатом.

При таком понимании разум инструментален, но не абсолютен. Его пределом выступает (опять-таки) не столько метафизическая глубина, сколько конкретность жизненного пространства отдельного человека. При наличии общих алгоритмов размышления и принятия решения содержание мысли всякий раз индивидуально. Конструктивная основа «И Цзин» структурирует, но не определяет (детерминирует) его.

Соответственно, истина как цель и результат познавательного процесса тоже перестает быть универсальной и абсолютной.

3. **Дифференциация** внешнего и внутреннего, **формального и содержательного** последовательно проводится в тексте «Книги Перемен». Это деление на внешнее и внутреннее в устройстве мира присутствует и в представлении о предметах мышления. В. Г. Попов обозначает «И Цзин» как «универсум форм реальности» [цит. по: 6]. Формы процессов всеобщи, а наполнение, в том числе и в ходе познания, индивидуально. В этом случае текст выступает для читателя категориальной основой самоорганизующегося мира. В мире присутствуют некие процессы, тенденции, состояния, качества. Дело разума — уловить их с помощью «Книги Перемен», интерпретировать сообразно личному размышлению и «пути» и действовать в соответствии с ними. Это возможно при умении соотносить частное с целым, наличии способности находить в окружающем мире или самом тексте смысловые и символические корреляты, уточняющие смысл изучаемого процесса или предмета.

Констатация универсальных форм не отменяет, а, напротив, усиливает значение индивидуального размышления, личных решений и сценариев. При такой установке в разуме достаточно легко различить формальный и содержательный аспекты, о которых в западноевропейской философии заговорил в XVIII в. Иммануил Кант. Но если для Канта формы имеют априорный (допытный) характер и поэтому не всегда осознаются человеком, то версия «Книги Перемен» предполагает их усвоение при знакомстве с текстом и последующее использование в ходе саморефлексии.

4. Конечно, необходимо упомянуть **наличие** в «Книги Перемен» **нумерологического слоя**, на котором мы не будем останавливаться подробно [см.: 5, 10]. Как известно, каждая гексаграмма имеет свое исчисление, и именно этот слой текста изучен наиболее полно. Там, где образы малопонятны и «темны» для современного читателя, числовые последовательности и их интерпретация тоже могут подтолкнуть мысль.

5. Индивидуализированный разум человека занят поисками его **достойного места в мире**. Разум имеет социальное и этическое значение. «Быть» в китайской философии тождественно моменту присутствия, самореализации. Восстребованный, деятельный разум позволяет человеку достичь своего естественного и подлинного состояния, в том числе и в социуме. В этом отношении работа с текстом «Книги Перемен» готовит индивида не только к тому, чтобы раскрыть свой потенциал, но и к тому, чтобы соотнести его с более общими — социальными — процессами (эта мысль позже прозвучит у Конфуция в учении о *цзюнь-цзы* — «благородном муже»).

Выводы

Согласимся с автором, отмечающим, что «символы и принципы “Чжоу И” пронизывали буквально все сферы жизни традиционного Китая — от теоретических эмпириков и высокого искусства до бытовых предметов и украшений. Из этого же источника черпали астрономы и астрологи, навигаторы и гадалки, музыканты и врачи, историки и администраторы, мастера боевых искусств и знатоки тайн продления Жизни» [13, 6–7]. Кроме того, выраженные в «Книге

Перемен» идеи оказали и оказывают огромное влияние на все сферы мышления и культуры, в том числе и у тех, кто знаком с этим памятником в переводной версии.

Подводя итог, перечислим еще раз характеристики разума, актуальные для его современного осмысления. Итак, разум:

- взаимодействует с другими познавательными способностями, притом это взаимодействие усиливает его потенциал;
- активен и при этом нуждается в направлении (ограничении пространства размышления), активизируется в диалоге с текстом;
- различными способами соотносит частное с целым, доминирующим как в мире, так и в мышлении;
- обладает способностью находить корреляты, уточняющие смысл изучаемого процесса или предмета;
- позволяет человеку вписаться в динамические процессы бесконечно изменчивого мира и достичь состояния гармонии с ним.

---

1. Алексеев В. М. Записка о научных трудах и научной деятельности Китаеведа Юлиана Константиновича Шуцкого // Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / под ред. А. И. Кобзева. 2-е изд. М., 1993. С. 72–77.

2. Быстрова Т. Ю. Восточные философии как основа экологичного архитектурного мышления: гармония — целостность — здоровье // Акад. вестн. УралНИИпроект. 2008. № 1. С. 60–65.

3. Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 1 : Путь японской культуры, гл. 1. М., 2005. 360 с.

4. Древнекитайская философия : собр. текстов : в 2 т. М., 1972–1973. Т. 1.

5. Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги Перемен». М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://science.rsuh.ru/eremeev/index.htm> (дата обращения: 7.07.2013).

6. И Цзин. Реконструкция. Попытка воссоздания первичных понятий древнекитайского памятника на основе свободных ассоциаций [Электронный ресурс] // Авторская страница Ole Lukoe. URL: <http://www.i-ching.ru> (дата обращения: 6.08.2013).

7. Китайская философия // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

8. «Книга Перемен». Передача А. Гордона с участием А. Крушинского и П. Кошина [Электронный ресурс] // Intellect-video.com. Видео для умных! URL: <http://www.intellect-video.com/1889/Gordon-Kniga-peremen-online/> (дата обращения: 6.08.2013).

9. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. 432 с.

10. Крушинский А. А. Логика «И Цзина». Дедукция в Древнем Китае. М., 1999. 173 с.

11. Начала философского мышления [Электронный ресурс] // Цифровая б-ка по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000196/st006.shtml> (дата обращения: 3.06.2013).

12. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / отв. ред. М. Я. Корнеев, Е. А. Торчинов. 2-е изд. СПб., 2001. 324 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/heideast/> (дата обращения: 7.06.2013).

13. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / под ред. А. И. Кобзева. 2-е изд. М., 1993. 384 с.

14. Шуцкий, Юлиан Константинович. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A9%D1%83%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%>

BD%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%D%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 30.05.2013).

15. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. 2-е изд. М., 1987. 527 с.

16. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий / сост. В. Бакусев. М., 1994. 256 с.

17. Jung C. G. Foreword [Electronic resource] // The I Ching or Book of Changes / The R. Wilhelm translation rendered into English by C. F. Baynes. N. Y., 1950. Vol. 1. URL: <http://www.iging.com/intro/foreword.htm> (accessed: 22.04.2013).

Статья поступила в редакцию 20.08.2013 г.

УДК 72.012 + 72.03 + 658.233

М. В. Пучков

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Статья посвящена проблемам урбанизации и потере уникальности образов архитектурного пространства современных городов. Анализируется урбанизм и процессы возникновения «интернационального» стиля в городской архитектуре в XX в., формулируются принципы архитектурного облика современного «глобального города» и стратегии сохранения культурной идентичности городских поселений в условиях глобализации и растущей конкуренции. Приводятся примеры городов, воплощающих концепции интернационализации архитектурного пространства, и современные технологии поиска уникальных пространственных моделей.

Ключевые слова: городской ландшафт, пространственная среда, архитектурная концепция, устойчивое развитие, глобализация, культурная идентичность.

«XXI век — это время городов», — такие слова прозвучали в 1999 г. в финальной версии решения конгресса Международного союза архитекторов в Пекине. Этот год стал важной вехой пространственного развития современной мировой цивилизации. Согласно подсчетам Союза архитекторов, на рубеже XX и XXI вв. более половины населения Земли проживало на урбанизованных территориях. В будущем эта доля будет только расти за счет продолжающейся «взрывной» урбанизации развивающихся стран.

Переживающая бурные трансформации в крупных урбанизованных образованиях городская материальная культура в настоящее время демонстрирует противоречивые тенденции. С одной стороны, города продолжают оставаться

ПУЧКОВ Максим Викторович — кандидат архитектуры, проректор по научной работе Уральской государственной архитектурно-художественной академии (e-mail: maxroutkov@mail.ru).

© Пучков М. В., 2013